

А. В. Голубцова

ORCID: 0000-0002-1286-7707

✉ ana1294@yandex.ru

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «РУССКОГО» И «СОВЕТСКОГО» МИФА В ИТАЛЬЯНСКИХ ТРАВЕЛОГАХ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х ГОДОВ

Аннотация. В статье проводится анализ травелогов итальянских писателей, посвященных СССР эпохи хрущевской оттепели, — книг и статей К. Леви, А. Моравиа, К. Малапарте, П. П. Пазолини, Г. Паризе и Г. Пьовене. Делается вывод, что рецепция Советского Союза в итальянских травелогах этого периода определяется влиянием двух мифологических парадигм — «русской», формировавшейся на протяжении XVIII–XIX вв., и «советской», сложившейся в сталинскую эпоху. Сложное взаимодействие «русского» и «советского» мифа порождает представления об СССР как сельской стране и стране детства (индивидуального детства авторов травелогов и коллективного «детства» Европы и всего мира): эти мотивы играют ключевую роль в итальянском восприятии советского общества второй половины 1950-х. К 1960-м годам влияние обеих парадигм в итальянской путевой прозе ослабевает, однако освобождение от мифологических схем в травелогах 1960–1970-х годов достигается ценой отказа от широких обобщений и сосредоточения на частных вопросах и описании личных контактов с советскими людьми.

Ключевые слова: СССР, оттепель, травелог, русский миф, советский миф, К. Леви, А. Моравиа, К. Малапарте, П. П. Пазолини, Г. Паризе, Г. Пьовене

Благодарности. Статья подготовлена в ИМЛИ РАН при поддержке гранта Российского научного фонда 20-78-00042 «Советский Союз и “русский миф” в травелогах итальянских писателей».

Для цитирования: Голубцова А. В. Взаимодействие «русского» и «советского» мифа в итальянских травелогах о Советском Союзе второй половины 1950-х годов // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 266–290. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290>.

*Статья поступила в редакцию 25 января 2022 г.
Принято к печати 13 марта 2022 г.*

A. V. Golubtsova

ORCID: 0000-0002-1286-7707

✉ ana1294@yandex.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

INTERACTION OF THE “RUSSIAN” AND THE “SOVIET” MYTHS IN ITALIAN TRAVELOGUES ABOUT THE SOVIET UNION OF THE 1950s

Abstract. The article analyzes travelogues about the USSR of the second half of the 1950s written by Italian authors Carlo Levi, Alberto Moravia, Curzio Malaparte, Pier Paolo Pasolini, Goffredo Parise and Guido Piovene. We draw the conclusion that the reception of the Soviet Union of that period is determined by two mythological paradigms: the “Russian” one, dating back to the 18th and 19th centuries, and the “Soviet” one, which was formed in the epoch of Stalin. A complex interaction of the “Russian” and “Soviet” myths generates certain concepts concerning the USSR: first of all, the USSR as a basically rural society and, second, the USSR as a land of childhood (meaning both individual childhood of the authors and collective “childhood” of Europe and of the whole world). These motifs play a key role in Italian perception of Soviet society of the second half of the 1950s. By the 1960s the influence of both paradigms on Italian travel prose is sharply reduced, but getting rid of mythological schemes in travelogues of the 1960s and 1970s comes at a price: the authors start avoiding broad conclusions and prefer to focus on local issues and descriptions of their private contacts with Soviet people.

Keywords: USSR, “the Thaw”, travelogue, Russian myth, Soviet myth, Carlo Levi, Alberto Moravia, Curzio Malaparte, Pier Paolo Pasolini, Goffredo Parise, Guido Piovene

Acknowledgements. The article was prepared at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 20-78-00042 “Soviet Union and the ‘Russian Myth’ in the Travelogues by Italian Writers”.

To cite this article: Golubtsova, A. V. (2023). Interaction of the “Russian” and the “Soviet” myths in Italian travelogues about the Soviet Union of the 1950s. *Shagi / Steps*, 9(1), 266–290. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290>.

Received January 25, 2022

Accepted March 13, 2022

Данная статья является частью продолжающегося проекта исследования обширного корпуса травелогов итальянских литераторов, посещавших Советский Союз в 1920–1930-е и 1950–1960-е годы — в периоды наиболее тесных контактов между двумя странами до эпохи перестройки. Травелог исследуется с точки зрения реализации в них элементов «русского мифа», который складывается в Европе на протяжении XVIII–XIX вв., окончательно оформляясь в знаменитой книге Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), и «советского мифа», достигшего своего расцвета в сталинскую эпоху. Мифологические структуры играют ключевую роль в итальянской рецепции советского общества: по справедливому замечанию У. Перси, который описывает русский и советский миф как «исторические оболочки», определяющие отношение к России как рядовых итальянцев, так и представителей интеллектуальных кругов, «...разные эпохи облекали образ России в различные исторические одеяния <...> Из дореволюционной России пришёл в Италию сверкающий образ аристократического бомонда с его огромными, казавшимися неисчерпаемыми, богатствами <...> Если и далее использовать метафору “исторических оболочек”, придётся констатировать: на воображение итальянцев сильнее всего воздействует советская оболочка — сильнее и изрядно полинявшей оболочки царской империи, и мутной, не прояснённой оболочки современной буржуазной России. <...> А то, что одни из них относились и/или относятся к советскому периоду с трепетом и восторгом, другие же — с презрением и страхом, во многом есть следствие мифа, который СССР сумел создать о себе» [Перси 2008: 31–32]. Важный материал для исследования подобных мифологических структур дает путевая проза итальянских литераторов, где установка на объективность и достоверность, свойственная документальным текстам, сочетается со склонностью к художественному осмыслению действительности¹. Мы сознательно ограничиваем круг источников текстами самых известных и популярных писателей, предполагая, что именно они должны были, с одной стороны, наиболее ярко и глубоко воплотить в сложной художественно-документальной форме травелога итальянский образ Советского Союза, с другой, в свою очередь, — оказать наибольшее влияние на итальянскую рецепцию СССР хрущевской эпохи. Как отмечает М. Дэвид-Фокс, литераторы занимали особое место среди «гостей» СССР, «что отражало гипертрофированную роль писателя и печатного слова в советской культуре. Так же как литература и Союз писателей СССР преобладали в развитии сталинской культуры, так и среди “друзей Советского Союза” <...> доминировали литераторы» [Дэвид-Фокс 2015: 21]. Это замечание, относящееся к сталинской эпохе, сохраняет актуальность и по отношению к периоду оттепели. Среди десятков разнообразных документов — журналистских репортажей, путевых заметок, дипломатических и деловых отчетов — именно травелог литераторов представляют собой наиболее интересный пласт итальянских свидетельств об СССР, образуя «тот итальянский литературный текст о Советской России, который можно поставить рядом с близким ему и столь же фундаментальным русским литературным текстом об Италии» [Traini 2016: 129].

¹ О синтетической жанровой природе и специфических чертах травелога см., например: [Шачкова 2008: 280–281].

Травелоги итальянских авторов, посещавших СССР в довоенный и послевоенный периоды, почти неизвестны в России: они (за редкими исключениями) не переведены на русский и не анализируются в ключевых отечественных и зарубежных трудах, посвященных советской культурной дипломатии [Холландер 2001; Куликова 2013; Дэвид-Фокс 2015; Голубев, Невежин 2016], авторы которых, как правило, ограничиваются наиболее известными и резонансными свидетельствами узкого круга американских, британских, французских и немецких литераторов. В работе И. Б. Орлова и А. Д. Попова, посвященной иностранному туризму в СССР, из итальянских литераторов коротко упомянуты только А. Моравиа, К. Леви и Дж. Гварески, причем последний никогда не бывал в СССР, а травелоги первых двух отнесены к категории художественных произведений, что свидетельствует о непонимании авторами монографии жанровой специфики путевой прозы (хотя они и признают ее значимость, в частности, называя травелог Моравиа источником «представлений практически всех итальянцев того времени о советской действительности» [Орлов, Попов 2018: 69], что, впрочем, является некоторым преувеличением и упрощением реальной ситуации).

У итальянских авторов, обращающихся к «советским» травелогам своих соотечественников, указанные тексты, как правило, становятся предметом исключительно исторических исследований, и даже в итальянских работах, посвященных изучению мифологических структур в межкультурных взаимодействиях России и Запада², путевая проза изучается как исторический источник, в одном ряду с публицистикой, частной и официальной перепиской, дипломатическими отчетами, юридическими документами и т. п., при этом проблема травелога как художественного целого не ставится и не рассматривается. Замечание Г. Б. Куликовой о преобладании филологического подхода к путевой прозе («Предлагаемый аспект темы, раскрывающий процессы развития Советского Союза через взгляд извне <...> практически рассматривался до последних лет не то чтобы крайне мало, но главным образом в художественном и литературоведческом плане» [Куликова 2013: 16]) не вполне справедливо по отношению к итальянским травелогам (это касается как итальянской, так и отечественной науки); как бы то ни было, сугубо литературоведческий ракурс не в меньшей степени, чем исторический, ограничивает наше понимание такого сложного художественно-документального единства, как травелог. Эту лакуну призвано частично заполнить данное исследование, рассматривающее путевую прозу в междисциплинарном имагологическом ракурсе, на стыке филологии и социальных наук.

В серии статей, опубликованных в рамках нашего проекта по исследованию путевой прозы, были проанализированы травелоги и другие тексты советской тематики (статьи, очерки, эссе, рассказы и романы), созданные

² Итальянские исследователи активно занимаются исследованием «советского мифа» в западной, в том числе в итальянской культуре с начала 1990-х, когда выходит целый ряд статей и монографий [Flores, Gori 1990; Petracchi 1990; D'Attorre 1991; Strada et al. 1991]. О неослабевающем интересе к данной теме свидетельствуют такие работы, как монография итальянского исследователя русского происхождения В. Заславского [Zaslavsky 2004], и фундаментальный труд [Flores 2017]. На русском языке тему «советского мифа» в Италии затрагивает, в частности, хорошо фундированная диссертация О. В. Дубровиной [2017].

литераторами первой половины XX в. — В. Кардарелли, К. Альваро и К. Малапарте [Голубцова 2021a, b, d], а также ряд просоветских травелогов начала 1950-х годов (Л. Биджаретти, Р. Вигано, И. Кальвино) [Голубцова 2021c]. В данной статье материалом для исследования мифологических структур становятся путевые свидетельства итальянских писателей и поэтов (К. Леви, А. Моравиа, П. П. Пазолини, Г. Паризе, Г. Пьовене), изданные во второй половине 1950-х — начале 1960-х, в период хрущевской оттепели, когда после смерти Сталина начинается разрушение «советского мифа». Как отмечает ведущий итальянский исследователь западного «мифа об СССР» М. Флорес, «советский миф» достигает вершины своего развития в период сталинской диктатуры, а с 1956 г. входит в период упадка: «1956 г. ознаменовал собой момент эпохального поворота в эволюции социалистической идеи, в очаровании советской модели, в отношении между западными обществами и коммунистическими партиями. Прежде всего, разрушилась связь с интеллектуалами, которая с конца 20-х годов составляла одну из самых прочных опор солидарности с режимом Советского Союза и один из самых эффективных каналов проникновения в общественное мнение позиций, близких коммунистическим» [Flores 2017]. П. Холландер отмечает среди причин снижения популярности СССР в эпоху оттепели и более тесное знакомство Запада с Советским Союзом, и (со ссылкой на А. Улама) разрушение «фасада самоуверенности» в связи с разоблачением культа личности Сталина и последующим расколом социалистического лагеря. Как ни парадоксально, пик популярности советской системы приходится на 1930-е — мрачное время сталинской диктатуры, когда Запад получал мало достоверной информации о происходящем в СССР, а «к тому времени, когда СССР избавился от самых непривлекательных своих черт — после смерти Сталина, при Хрущеве, — он уже не вызывал былого интереса и одобрения у западных интеллектуалов» [Холландер 2001: 68]. Это замечание вполне отражает ситуацию в Италии: если подавление Венгерского восстания осенью 1956 г. оттолкнуло от Советского Союза интеллектуалов условно либеральных взглядов, то состоявшееся в начале того же года разоблачение культа личности вызвало смятение и раскол в рядах ярых коммунистов, ранее безусловно поддерживавших СССР. Видный коммунистический деятель Джорджо Амендола описывает это следующим образом: «...рушился миф, который владел всеми нами, миф о Сталине (...) Каждый реагировал как мог: кто пытался в историческом ключе проанализировать истоки тех или иных фактов, кто сыпал проклятиями; но это действительно было для всех глубоким потрясением» (цит. по: [Tuscano 2010: 31]).

Еще один фактор, объясняющий падение популярности советского режима именно в период его относительной либерализации, — отмеченная Холландером зависимость оценки советского общества от состояния обществ западных. Некритическое восприятие советской действительности в 1930-е и, в меньшей степени, в начале 1950-х годов со стороны левых интеллектуалов в значительной мере объяснялось неосознанной потребностью в утопии, стремлением найти идеал социально-политического устройства, причем идеализация иного общественного строя оказывалась тем сильнее, чем выше была степень неудовлетворенности своим собственным обществом: «...мое исследование обнаружило очень тесную связь между отчуждением от собственного

общества и восприимчивостью к привлекательности (реальной или вымышленной) других обществ» [Холландер 2001: 64]. В свете этой концепции можно предположить, что завершение периода послевоенного восстановления, экономический подъем и относительная политическая стабильность в Италии второй половины 1950-х также повлияли на рост критического отношения к советскому режиму в травелогах периода оттепели по сравнению с отчетливо просоветскими путевыми свидетельствами начала 1950-х. Свою роль сыграло и двойственное положение Италии в мировой политике: являясь «точкой контакта между промышленными цивилизациями севера и средиземноморским бассейном», в эпоху холодной войны она стала ареной борьбы между США и СССР — «одновременно опорным пунктом атлантической политики НАТО и местом существования самой мощной из западных коммунистических партий³» [Chianese 2015], что объясняет колебания итальянских интеллектуалов между западной и советской моделью социального устройства. Результатом этих идеологических метаний стала неопределенность и противоречивость образа СССР, вырисовывающегося в травелогах эпохи холодной войны. Кризис «советского мифа» отразился не только в тоне и содержании травелогов, но и в изменении форм функционирования и взаимодействия «русских» и «советских» мифологем: эта трансформация и станет основным предметом анализа в данной статье.

В довоенную эпоху наиболее авторитетные «писатели-путешественники» воспринимали посещение СССР как важнейший этап своей жизни, который накладывал отпечаток едва ли не на все их дальнейшее творчество (так, под влиянием советских путевых впечатлений писались рассказы и очерки разных лет и антитоталитарный роман «Человек силен» (*L'uomo è forte*, 1938) К. Альваро, многие эссе, рассказы и романы К. Малапарте). Подобное отношение объяснялось рядом факторов: закрытостью Советского Союза и трудностью организации поездки, влиянием фашистской пропаганды, которая рассматривала большевизм не только с враждебностью, как идеологического противника, но и с интересом, как своего рода «незаконнорожденного брата» фашизма [Traini 2016: 16], а также не в последнюю очередь совокупным влиянием «русского мифа», еще не утратившего своего значения, и «советского мифа», в период конца 1920-х — 1930-х приближавшегося к своему расцвету⁴. У писателей-коммунистов начала 1950-х, сознательно или неосознанно транслировавших в своих травелогах константы «советского мифа» (при неизбежном уменьшении роли мифа «русского»), советские впечатления по большей части находят отражение в статьях и очерках в коммунистической прессе (газета

³ Высокая популярность левых идеологий в послевоенной Италии объясняется несколькими факторами: памятью о героическом партизанском прошлом (именно социалисты и коммунисты в годы Второй мировой войны составляли значительную часть антифашистского Сопротивления), высоким авторитетом Советского Союза как страны, победившей Гитлера, активной внешней политикой СССР и стремлением КПСС распространить свое влияние на левые партии других государств.

⁴ Многие иностранцы под впечатлением масштабных экономических достижений первых пятилеток воспринимали путешествие в сталинскую Россию как своеобразное «паломничество»: они ехали в СССР в поисках «нового мира», воплощенной утопии. Например, К. Альваро, по его собственному признанию, «совершил эту поездку, искренне надеясь обнаружить новый способ жить на свете (*un nuovo modo di stare al mondo*)» [Alvaro 2004: 174].

«Unità», журналы «Rinascita» и «Vie Nuove» и др.). Для литераторов эпохи оттепели, сочувствовавших левым идеям, но не отличавшихся безусловной лояльностью Советскому Союзу, путешествия в СССР, даже неоднократные, как у А. Моравиа, остаются частными эпизодами биографии; гораздо большее место в их творчестве занимает русская классическая литература⁵ — прежде всего Достоевский (так, А. Моравиа называет русского писателя своим учителем [Алоэ 2013: 11], Г. Пьовене делает его героем романа «Холодные звезды» (*Le stelle fredde*, 1970), хотя изучение публицистических выступлений и интервью, так или иначе затрагивающих советскую тему, и архивных материалов, связанных с организацией поездок в СССР, несомненно, позволит составить более полное впечатление о взаимоотношениях этих авторов с Советским Союзом и, вероятно, станет предметом дальнейших изысканий. Данная статья же призвана дать общую картину реализации мифологических констант в травелогах итальянских литераторов второй половины 1950-х годов.

В нашем исследовании мы ставим перед собой следующие задачи: выделить общие черты указанных текстов и определить их специфику по отношению к итальянской путевой прозе предшествующих периодов, на этом материале проанализировать особенности функционирования и взаимодействия «русского» и «советского» мифа и проследить трансформацию мифологических структур под влиянием социально-политических изменений, происходивших в советском обществе и на международной арене в эпоху хрущевской оттепели и в конечном счете вылившихся в масштабный кризис «советского мифа». Мы не будем подробно останавливаться на программах визитов, хотя в большинстве случаев их несложно восстановить по тексту самих травелогов. Кроме того, в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) хранится целый ряд документов, позволяющих уточнить и дополнить эти сведения⁶. Однако маршруты путешествий итальянских авторов, в большой степени дублирующие друг друга (с незначительными вариациями, в зависимости от предпочтений гостя и продолжительности визита), состоят из стандартного набора пунктов: посещение Москвы, Ленинграда, Загорска (нынешний Сергиев Посад), одной или нескольких национальных

⁵ Исключение здесь составляет разве что Пазолини, в чьем поэтическом и эссеистическом творчестве содержатся многочисленные отсылки не только к дореволюционной классике, но и к советской литературе и филологии (Маяковский, Есенин, Ахматова, Даниэль, Синявский, Якобсон, русские формалисты и др.). Подробному разбору «русского текста» Пазолини посвящена монография Ф. Тускано «Россия в поэзии Пьера Паоло Пазолини» [Tuscano 2010]. В случае Малапарте советская проблематика пронизывает все его творчество, от ранней публицистики до позднего неоконченного романа «Бал в Кремле», но источником вдохновения для него служит первое путешествие в СССР в 1929 г., вторая же поездка, состоявшаяся незадолго до смерти писателя, нашла отражение только в травелоге «Я в России и Китае» (1958).

⁶ Например, сведения о пресс-конференции К. Леви в издательстве «Einaudi» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1654) и текст его интервью в журнале «Contemporaneo» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1950), касающиеся его поездки в СССР, отчет консультанта по литературе Италии о пребывании в СССР Альберто Моравиа с 1 мая по 2 июня 1956 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1660), запись беседы К. Малапарте с советскими писателями (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1684. Л. 1) и перевод его телеграмм, отправленных 28 февраля 1957 г. писателю Борису Полевому и переводчику Георгию Брейтбурду (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1698. Л. 1), отчет переводчика о пребывании в СССР Гоффредо Париже с 25 января по 1 февраля 1960 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1791), план пребывания в СССР Гвидо Пьовене (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1790) и переписка с ним по поводу поездки (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1813).

республик Кавказа или Средней Азии, сопровождающееся демонстрацией образцовых советских институтов — колхозов и промышленных предприятий, детских садов, школ, университетов и домов культуры, Союза писателей, театра и цирка, якобы случайно выбранной квартиры «простого» рабочего и крестьянской избы. Даже путешествие Г. Пьовене, посетившего, среди прочего, Сибирь и Дальний Восток, в сущности, представляет собой расширенный вариант той же программы, призванной продемонстрировать позитивные черты советской системы. Техники «политического гостеприимства»⁷, отработанные еще в 1920–1930-е годы, в эпоху оттепели дополняются неформальными встречами и общением (в домашней обстановке, в гостинице или в ресторане) с советской интеллигенцией — писателями, художниками, студентами, что служит знаком либерализации и растущей открытости советского общества. Краткое описание программы путешествий этих и других авторов содержится в приложении к диссертации К. Траини [Traini 2016], мы же будем упоминать лишь события, напрямую относящиеся к теме статьи.

В истории взаимоотношений Италии и СССР 1950-е становятся временем возобновления тесных культурных контактов после периода послевоенного восстановления. В эти годы СССР посещает значительное число итальянских литераторов: количество визитов впечатляет даже по сравнению с предыдущим периодом активного культурного (а также политического и экономического) сближения двух государств в 1920-е — первой половине 1930-х годов. На середину 1950-х приходится переломный момент в истории итальянских травелогов о Советском Союзе: после целого ряда восторженных отзывов конца 1940-х — начала 1950-х годов, оставленных ярыми сторонниками советской власти (Л. Биджаретти, Р. Вигано, И. Кальвино, С. Алерамо), тон и тематика путевой прозы резко меняется. Если травелоги начала 1950-х, доказывая превосходство советского строя, апологетически описывали социально-экономические достижения СССР, то с середины 1950-х в путевых заметках появляются критические ноты, авторы декларативно отказываются от идеологических клише, стремясь дать объективную, неприукрашенную картину советской жизни, фокус внимания смещается с общества на индивида, официальные встречи и мероприятия дополняются неформальным общением, а социально-экономический анализ — исследованием индивидуальной и коллективной психологии советских людей. Разоблачение культа личности, либерализация социальной, политической и культурной жизни СССР после смерти Сталина, венгерские события 1956 г., серьезно подорвавшие лояльность западных интеллектуалов Советскому Союзу, — все это приводит к ослаблению влияния «советского мифа», который начиная с рубежа 1920–1930-х годов неуклонно вытеснял и подменял собой «русский миф», определявший европейскую рецепцию России в XIX — начале XX в. Если в рамках «русского мифа»

⁷ П. Холландер выделяет в них два компонента: «Первый — это подобающее отношение лично к гостю: следует обеспечить его комфорт, благополучие и сделать так, чтобы он чувствовал себя лицом значительным, уважаемым, дать ему понять, что его ценят и любят [...] Вторым важным компонентом техники гостеприимства выступает выборочное представление “реальности”, объясняющее жесткое планирование и высочайшую организацию политических туров» [Холландер 2001: 74–75]. Оба компонента, судя по текстам травелогов, успешно применялись и к итальянским гостям.

Россия воспринималась как дикая, загадочная страна снегов и бескрайних степей, населенная варварским восточным народом, носителем противоречивой «славянской души», недоступной пониманию западного человека, то «советский миф» создает диаметрально противоположный образ: в этой парадигме СССР предстает как прогрессивное и справедливое государство, достигшее невероятных высот в социальном и техническом развитии и способное стать ориентиром и образцом для остального мира, а характерными чертами советского народа объявляются особое достоинство и серьезность, интернационализм и открытость к другим народам и культурам.

Процесс распада «советского мифа» оказывается долгим и непростым. Уже в 1954 г. Анна Мария Ортезе в циклах путевых очерков «Русский поезд» (*Il treno russo*) и «Другие воспоминания о Москве» (*Altri ricordi di Mosca*) первой из итальянских литераторов декларативно отказывается от идеологизированного изображения советского общества, и элементы «советского мифа» в ее очерках в значительной степени вытесняются образами старого европейского «мифа о России». Очерки Ортезе открывают новый этап в истории итальянских травелогов об СССР: на фоне путевых свидетельств начала 1950-х они выделяются подчеркнутой субъективностью, психологизмом, вниманием к внутреннему миру советских людей, в них впервые появляется или получает новую трактовку целый ряд мотивов, которые будут разрабатываться в путевой прозе об СССР второй половины 1950-х годов, но ренессанс «русского мифа» в очерках Ортезе оказывает ограниченное воздействие на итальянскую путевую прозу. Даже в условиях хрущевской оттепели и десталинизации большинство итальянских литераторов продолжают испытывать на себе влияние «советского мифа». И все же под воздействием актуализирующихся «русских» мифологем советская мифологическая парадигма претерпевает ряд трансформаций, которые в конечном счете заканчиваются ее разрушением.

Ярким примером сложного взаимодействия двух мифологических парадигм является образ детства. В довоенной путевой прозе и в очерках Ортезе, выстроенных по сходным схемам, тема детства возникает в связи со собственными «русскому мифу» представлениями о варварстве и стихийности русского народа, девственности и неосвоенности русской земли⁸, образуя единый комплекс с порожденными той же мифологемой представлениями о близости русского человека к природе и о принципиально сельском характере русской цивилизации. Мотивы детства и сельской жизни получают развитие в травелогах второй половины 1950-х, соединяясь с другими «русскими» и «советскими» мифологемами — представлением о традиционном русском гостеприимстве, с одной стороны, и духом товарищества и интернационализма, с другой. Если в 1920–1930-е годы образ русского-ребенка отождествлялся с образом русского-дикаря, а «сельская» русская цивилизация в сравнении с «городской» западной воспринималась как отсталая, архаичная, то в 1950-е трактовка этих образов, продолжающих определять европейскую рецепцию Советского Союза, радикально меняется.

Ассоциация с миром детства и сельской жизнью задает ракурс восприятия советской действительности в травелоге Карло Леви «У будущего древ-

⁸ О сближении образов дикарей и детей и мотиве дикаря-ребенка см., например: [Коул 1997: 29–32; Федин 2010: 81 (на примере освоения европейцами Американского континента)].

нее сердце». Леви прибыл в Советский Союз уже сложившимся писателем: известность ему принесла книга «Христос остановился в Эболи» (*Cristo si è fermato a Eboli*, 1945), описывающая его ссылку в южноитальянскую провинцию Лукания (нынешняя Базиликата) по обвинению в антифашистской деятельности. Незадолго до приезда автора в СССР этот художественно-документальный роман был переведен на русский язык. В том же 1955 году, уже после возвращения в Италию, Леви опубликовал книгу «Слова — это камни» (*Le parole sono pietre*), отражающую его впечатления от поездки в дружную южноитальянскую область — Сицилию. «У будущего древнее сердце» в определенном смысле продолжает эту линию документально-художественной прозы. Публикация книги состоялась после XX съезда КПСС, однако, как сам автор отмечает в предисловии, его «предвестие уже можно было обнаружить в повседневных фактах, в образе жизни и в простых чувствах людей» [Levi 1956: 9]⁹. События 1956 г. могли повлиять на текст, заставив автора подчеркнуть аспекты советской жизни, предвещавшие хрущевскую десталинизацию, однако сам Леви намеревался описать только то, что видел своими глазами, без предрассудков и идеологических клише. Взамен на протяжении всей книги он неоднократно обращается к прошлому опыту — воспоминаниям детства, луканским и сицилийским впечатлениям. Уже самым заглавием задается ключевой принцип построения повествования — взгляд на настоящее через призму прошлого. В творческом сознании автора архаика южноитальянского крестьянского быта, соединяясь с воспоминаниями его собственного детства, прошедшего в Турине, крупном промышленном центре Северной Италии, порождает единый комплекс представлений о предельно обобщенном, мифологизированном, вневременном прошлом, которое отбрасывает свой отсвет на советское общество, при всей его внешней устремленности в будущее.

Мгновенно возникающая симпатия автора к советским людям обусловлена их сходством с крестьянами Южной Италии:

Я где-то уже видел эту скромную гордость, которая здесь читалась во всех людях и вещах, этот аскетичный неяркий облик простой человеческой добродетели <...> Может быть и это, думал я, страна крестьян. Крестьян, настоящих крестьян, приехавших с полей, из самых далеких деревень Союза [Levi 1956: 32].

Даже советские «техники гостеприимства», в частности постоянный надзор за иностранными гостями, Леви склонен объяснять не политическими соображениями, а «более древней привычкой», вырастающей из самого духа русской цивилизации: по тем же причинам невозможно почувствовать себя одиноким среди крестьян Лукании, где «каждый поступок, каждое слово, каждое движение разворачивается перед глазами всего селения, которое участвует в нем, сопровождает тебя, радуется за тебя, судит тебя и оказывает тебе честь» [Levi 1956: 302]. В то же время устойчивая ассоциация советской действительности с миром детства мысленно возвращает писателя в его собственные детские годы — эти воспоминания будут сопровождать его на протяжении всей поездки: «материнский» облик горничных в гостиницах Москвы и Киева, не-

⁹ Здесь и далее травелоги цитируются в моем переводе.

жданый снег, напоминающий о мире «застенчивой искренности, выдумок, игры в снежки» [Levi 1956: 242], угощение, напоминающее ему блюда, которые некогда готовила его бабушка («Я был в своей собственной семье, в своей семье пятьдесят лет назад, или сто, или двести, или тысячу лет назад» [Ibid.: 260]). В сердце чужой страны автор чувствует себя как «маленький ребенок, который воспринимает все без посредства понятий, не может говорить и не понимает языка» [Ibid.: 42], но именно эта непосредственность восприятия дает ему возможность искренне и непредвзято изобразить реалии советской жизни, проникнуть в ее глубинную суть. Его собственное детство, о котором напоминает ему советская действительность, в свою очередь, отождествляется с «детством Европы, когда казалось, что весь мир будет расти вместе с нами (...) в естественном, бесконечном и непрерывном прогрессе» [Ibid.: 89]. Это «мощное и подлинное» чувство, которое он обнаруживает повсюду в СССР, словно восстанавливает связь времен: парадоксальным образом нить, разорванная западной цивилизацией, в стране, пережившей революцию, сохраняется в целостности. В отличие от Европы, СССР «оставил нетронутыми фундаментальные ценности, которые нес в себе мир крестьян и рабочих», а «разрыв отношений с остальным миром помог сохранить неизменными вкусы и чувства» [Ibid.: 90–91]. Октябрьская революция воспринимается им как «революция сохранения» — «возможно, такой могла бы быть революция луканских крестьян» [Ibid.: 242]. В Советском Союзе Леви обнаруживает одновременно и атмосферу своего детства, и дух крестьянской Южной Италии, и память о тех счастливых временах, когда Европа была единой, верила в идеалы и «не сомневалась в себе» [Ibid.: 91]. В этой перспективе стереотипные особенности характера советских людей — честность, скромность, нравственная чистота, вера в разум и прогресс, любовь к «великим интернациональным идеям» — свидетельствуют уже не о превосходстве социалистического строя, а о специфическом консерватизме советского общества по сравнению с безнадежно и трагически изменившейся Европой.

Многие мотивы травелога Леви сближают его с апологетическими очерками предшественников. Рабоче-крестьянское происхождение молодых писателей из Литературного института [Levi 1956: 101] или «прямые и простые манеры» директора ленинградской текстильной фабрики [Ibid.: 127] можно воспринять как доказательство социального равенства; «раскованность и изящество» движений, «блестящие и смеющиеся глаза» сотрудников фабрики, так непохожие на «суровые и напряженные лица» западных рабочих [Ibid.: 129], — как плоды разумно организованного, свободного и радостного труда; расцвет туркменской оперы или армянской литературы — как свидетельство поддержки национальных культур. Советские женщины даже в театре одеты по-крестьянски скромно, с «полным отсутствием какого-либо эротизма, который, очевидно, заменяется другими желаниями, другими идеалами» [Ibid.: 40], советские дети «серьезны и молчаливы» [Ibid.: 48] — все это говорит о достоинстве и нравственности граждан СССР. Однако «детская» наивность и непосредственность авторского взгляда трансформирует стандартные элементы «советского мифа». Пышность гостиничных номеров становится не доказательством благополучия советской жизни, как в очерках просоветских предшественников Леви, а напоминанием о детских годах:

...вышитые покрывала, кружева, ковры, коврики, кресла, креслица, красный бархат с узорами в виде меандров и бахромой: «...» старинная утварь из времен детства и утраченной безмятежности [Levi 1956: 27].

Роскошная трапеза — «все, что мог ожидать иностранец от русского обеда: водка, икра, осетрина, лосось «...» заливное из курицы, мясо и тому подобное» [Levi 1956: 28] — служит лишь поводом для беседы с гидом-сопровождающим «в теплой семейной обстановке»: «Мы долго воздавали должное святым ритуалам дружбы «...» Мой Вергилий «...» откланялся, и мы распрощались, еще раз заверив друг друга во взаимной дружбе» [Ibid.: 29]. Ощущение непосредственного контакта с советской жизнью поддерживается неформальным общением с писателями и художниками (Леви удается побывать в гостях у писателя-коммуниста Джованни Джерманетто, Ильи Эренбурга, художника Мартироса Сарьяна, Константина Симонова, Виктора Некрасова), с водителем, манерами напоминающим «туринского металлурга» [Ibid.: 86], с крестьянкой в подмосковном колхозе [Ibid.: 295]. Так один из ключевых элементов советского мифа — братство трудящихся всего мира, — утрачивая политическое, классовое измерение, трансформируется в индивидуальное, интимное чувство семейной и дружеской близости, душевного родства.

В ином тоне написан травелог «Месяц в СССР» (1958) Альберто Моравиа, посетившего СССР в апреле — мае 1956 г. в составе делегации итальянских левых интеллектуалов. Корреспонденции Моравиа публиковались начиная с 15 августа 1956 г. в «Corriere della Sera», а два года спустя были изданы отдельным томом вместе с литературно-критическим очерком «Антигерой в русской литературе» (*L'antieroe nella letteratura russa*), впервые опубликованным в той же газете еще в 1954 г. Моравиа с середины 1940-х годов являлся членом итальянской компартии, однако данную серию очерков он писал не для коммунистической «Unità», а для центральной газеты умеренной ориентации. Отчасти этим, отчасти собственными убеждениями Моравиа объясняется критический и даже несколько снобистский тон, в котором автор описывает реалии советской жизни. Далекий от восторженного энтузиазма просоветских травелогов начала 1950-х, Моравиа выступает с позиции рафинированного западного интеллектуала, снисходительно, хотя и не без доброжелательности взирающего на чуждую ему советскую реальность.

Как и Леви, Моравиа интересуют, в первую очередь, процессы, происходящие в советском обществе в середине 1950-х. Позже сам Моравиа признавался: «Я написал книгу о Советском Союзе потому, что меня заинтересовали оттепель, сталинизм, переход от одной социальной структуры к другой» (цит. по: [Монделло 2018: 179]). Однако в его очерках отдельные социально-политические и культурные трансформации рассматриваются как частные воплощения более общей проблемы свободы и тирании, и шире — власти как таковой (не случайно Моравиа едва ли не в каждом очерке более или менее подробно рассматривает личность Сталина, хотя анализ его взглядов и привычек служит лишь поводом для рассуждений о природе и психологии власти, диктатуре и тоталитаризме). В отличие от книги Леви, так же остро ощущавшего переходный характер СССР середины 1950-х, в травелоге Моравиа перемены, переживаемые советским социумом, показаны не столько через личные контакты и доверительное общение, сколько через коллективные сцены и опи-

сание больших социальных групп — классов (рабочих и крестьян), этносов, профессий и т. д. Ориентация на коллективного героя естественным образом влечет за собой усиление мифологической составляющей: автор, следуя по стопам А. М. Ортезе, открыто апеллирует к европейскому «мифу о России». Однако особенности восприятия советской России в «Месяце в СССР» обусловлены в первую очередь влиянием Достоевского: рассуждая о взаимоотношениях русского народа и власти, Моравиа отмечает «характерное» терпение русских [Moravia 1958: 23] и их «вековую» привычку к страданию [Ibid.: 65], со ссылкой на Достоевского пишет о «неизмеримости» русского сердца («Человеческое сердце глубоко и сложно, сердце русских же и вовсе неизмеримо») [Ibid.: 23]) — мотив, явно отсылающий к ключевой для «мифа о России» концепции «загадочной русской души». В некоторых случаях элементы «русского мифа» играют полемическую роль, выступая как один из способов отрицания и развенчания мифа советского: так, тела «двух диктаторов», выставленные в Мавзолее, воспринимаются автором как азиатская дикость, признак «архаической религиозности», естественной для «общества, соединившего в себе современные и примитивные черты» [Ibid.: 29]. Приметы прошлого, сохранившиеся в советской психологии и быте («архаическая религиозность», «викторианское» пуританство, старомодная обстановка аэропортов и гостиниц, резко контрастирующая с декларативным прогрессизмом советского общества), — все то, что Леви ностальгически воспринимал как знак здорового консерватизма, сохранения ценностей, утраченных Европой¹⁰, — у Моравиа превращается в признак социальной отсталости Советского Союза, который «словно бы остановился во времени, предшествовавшем революции» [Ibid.: 152]. Однако для Моравиа (как и для Леви) эти архаические черты соотносятся с преимущественно сельским, крестьянским характером советского социума, и, как ни парадоксально, именно с этим фактом автор связывает не только нынешнюю отсталость СССР, но и надежду на будущее: возможно, крестьянский менталитет, «более мягкий, более целостный, более здоровый», в сочетании с завоеваниями индустриальной революции сумеет породить «нового человека современного мира», человека нового бесклассового общества, которое может стать реальностью и в СССР, и в других странах [Ibid.: 58]. Таким образом, отталкиваясь от представлений об «архаичности» советской жизни, уходящих корнями в «русский миф», Моравиа, пусть и с серьезными оговорками, воспроизводит ключевой компонент «советского мифа», изображая Советский Союз как возможный образец и ориентир для западного общества.

В том же 1956 году в СССР приезжает писатель Курцио Малапарте, направлявшийся в Китай на торжества в честь двадцатилетия со дня смерти Лу Синя. 13 октября 1956 г. Малапарте вылетел из Стокгольма в Москву, а затем отправился в Пекин; в последний раз он побывал в Москве на обратном пути, 8 марта 1957 г., во время однодневной пересадки на самолет до Рима. По дороге в Китай Малапарте, впервые посетивший СССР еще в 1929 г.¹¹, собирался побывать в ряде городов Сибири и Средней Азии, а также европейской ча-

¹⁰ Подробнее о возможной полемике Моравиа с К. Леви см.: [Pegorari 2010: 157].

¹¹ Результатом поездки стали травелог «Осмысление Ленина» (Intelligenza di Lenin, 1930), а также целый ряд публицистических и художественных текстов, связанных с «советской» тематикой.

сти СССР, чтобы «осознать изменения, произошедшие в России за последние 26 лет» [Malaparte 1958: xiv–xv], но смертельная болезнь легких нарушила его планы — он успел отправить лишь несколько очерков в журналы «*Vie Nuove*»¹² и «*Темпо*». Материалы поездки были опубликованы под одной обложкой посмертно, в 1958 г., под выбранным издателями заглавием «Я в России и Китае». Около трети из них посвящены Советскому Союзу.

Сравнивая облик Москвы 1956 г. со своими прошлыми впечатлениями, Малапарте признается, что с трудом узнает город и его жителей. Контраст между старой и новой Москвой осмысливается через ряд противопоставлений: природа — техническая цивилизация (город как «чудовищная металлическая косилка», поглощающая леса, поля и деревни, новые «кварталы, сверкающие стеклом и алюминием», возвышающиеся на месте болот и «бедных деревушек из гнилого дерева» [Malaparte 1958: 11]), Восток — Запад («современный город в европейском, нордическом духе <...> возник там, где возвышался город восточный, с тысячей куполов» [Ibid.: 11]), русская классика — современная действительность («...город, который служит фоном для персонажей Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова. От него мало что осталось, и он составляет резкий контраст с современной архитектурой сталинской Москвы» [Ibid.: 12]). Эти оппозиции зримо свидетельствуют о том, как утрачивает актуальность «русский миф» — комплекс представлений о дикой восточной стране вкупе с образами русской классической литературы. Если бескрайние просторы Сибири, которую Малапарте пересекает в процессе перелета в Китай, традиционно описываются в духе «русского мифа» — дарят «чувство бесконечности», напоминая бескрайний океан суши, без волн и берегов [Ibid.: 57–58], — то сибирские города становятся для автора символом победы цивилизации над природой. Так, восхищаясь промышленным развитием Свердловска, Малапарте отмечает:

Одно дело — разница между Сибирью и старым убогим городком, затерянным в степи, другое — между Сибирью и большим, современным, деловитым индустриальным городом [Ibid.: 63].

Смутные образы «романтической» Сибири, связанные с юношеским чтением Достоевского и Горького (в одном ряду с которыми стоит Жюль Верн с романом «Михаил Строгов»), рассеиваются при знакомстве с «новой Сибирью, краем фабрик, рудников, электростанций, сталелитейных заводов» [Malaparte 1958: 83–84]. Если Моравиа использует элементы «русского мифа» для развенчания мифа советского, то у Малапарте, напротив, сельская Россия отступает перед напором современной советской цивилизации.

Перед посещением СССР Малапарте изучает путевые свидетельства А. Моравиа и К. Леви и в своем травелоге открыто спорит с ними. Он иронизирует над стремлением Леви к поиску сходств между реалиями его детства и современной советской действительностью («Карло Леви <...> в любой части мира ищет аналогии со своим Пьемонтом и называет Ленинград “северным Туринном”» [Malaparte 1958: 86]) и над описанной Моравиа «скукой» совет-

¹² В фондах РГАЛИ (Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1951) хранится перевод очерка в журнале «*Vie Nuove*» (№ 1 за 1957 г.), который представляет собой фрагмент IV главы книги «Я в России и Китае» («Женщина и толпа»).

ской жизни («...хотелось бы знать, в какой стране Моравия не скучает» [Malaparte 1958: 51]). Прямой полемикой с «Месяцем в СССР» выглядит и данная в книге Малапарте характеристика советской легкой промышленности. Если Моравия, указывая на нехватку и плохое качество потребительских товаров, подчеркивал невозможность либерализации и гуманизации без развития легкой промышленности, Малапарте расставляет акценты иначе:

...посредственное качество тканей, обуви, всех прочих предметов туалета бросается в глаза. Покрой пиджаков, юбок, брюк, качество тканей, обуви, полотна для рубашек улучшится. А пока — сталь советского производства прекрасна, а станки, произведенные советской тяжелой промышленностью, — одни из лучших в Европе [Ibid.: 49].

Относя отмеченные недостатки к последствиям ошибок сталинизма, Малапарте рисует позитивную картину общественной жизни СССР 1950-х годов, в полемике с Моравия обращаясь к устойчивым топосам «советского мифа»: отмечает интернационализм советских граждан («Мы (советские люди. — А. Г.) хотим мирно трудиться, и чтобы другие народы могли мирно трудиться <...> Мы тоже хотим участвовать в восстановлении морального и интеллектуального единства цивилизованного мира, неотъемлемой частью которого мы себя чувствуем и являемся» [Malaparte 1958: 50]), серьезность и сдержанность советских женщин — следствие «нравственности, основанной на свободе и достоинстве» [Ibid.: 53], с восторгом описывает студентов возле здания университета и «ясный, невинный взгляд» советских детей [Ibid.: 54]. Все это Малапарте воспринимает как признаки начала новой жизни, полной новых радостей, проблем и надежд [Ibid.: 55].

В 1957 г. по случаю VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего с 28 июля по 11 августа, СССР посещает Пьер Паоло Пазолини, в то время практически не известный советскому читателю (его стихи и проза еще не были переведены на русский язык, а режиссерский дебют состоялся значительно позже, в 1961 г.). Убежденный марксист — правда, со скандалом исключенный из Компартии еще в 1949 г., — Пазолини приезжает в Москву как специальный корреспондент коммунистического журнала «Vie Nuove». Результатом поездки становится статья «Сельский праздник для тридцати тысяч», опубликованная 10 августа 1957 г. В начале статьи, сразу после прибытия, писатель воспринимает Россию в парадигме «русского мифа» — как «Ультима Туле», легендарную страну на краю земли [Pasolini 2004: 1448]. Однако при непосредственном столкновении с местными реалиями «русский» миф вытесняется элементами мифа «советского». Отмечаемые Пазолини отрицательные черты русского национального характера, явно уходящие корнями в европейский «миф о России», который, в свою очередь, ассоциируется с русской классикой и с образом старой России в целом («русские все еще ленивые, сложные и несдержанные (eccessivi), как во времена Достоевского» [Ibid.: 1450]), компенсируются справедливым общественным устройством. Влияние «советского мифа» заставляет Пазолини находить оправдания даже для очевидных свидетельств социального неравенства, изображая их как естественные и неизбежные:

Есть и доходяги (*magrolini*), кучки лохмотьев. Это одно из многих противоречий и несоразмерностей этого народа. Новые поколения переполнены силой, но среди них все еще существует истощенный и изможденный слуга <...> Этот отбор естественный, а не искусственный и извращенный (*corrotto*) [Pasolini 2004: 1450].

Советское общество, в духе комплиментарных травелогов первой половины 1950-х годов, изображается как самое прогрессивное в мире, где «все действительно скромны, а социальные слои и уровни формируются естественным образом, не нарушая фундаментальный принцип социального равенства» [Pasolini 2004: 1451]¹³.

Открыто провозглашая превосходство советского строя, Пазолини при этом не проводит непреодолимых границ между СССР и Европой, в том числе Италией. Поводом для сближения двух стран становится та же идея, что и у К. Леви: преимущественно «сельский» дух советской жизни. Пазолини прямо характеризует Москву как «город крестьян» — возможно, это парадоксальное определение имплицитно отсылает к травелогу Леви, называвшего Советский Союз «страной крестьян» [Levi 1956: 32]. Двух писателей объединяет общий опыт близкого знакомства с крестьянским миром: если Леви соотносит свои впечатления от поездки в Советский Союз с опытом пребывания в ссылке в южноитальянской Лукании, то Пазолини обращается к детским и юношеским воспоминаниям о времени, проведенном в Казарсе — маленьком городке во Фриули на севере Италии, где его семья много лет подряд проводила лето и где будущий писатель тесно соприкасался с жизнью фриуланского крестьянства. Этот опыт в значительной степени определил и содержание репортажа, о чем свидетельствует само его название, описывающее Фестиваль молодежи и студентов как «деревенский праздник» (*festa di paese*). Пазолини видит знакомые крестьянские черты во внешности и манерах советских людей [Pasolini 2004: 1450], сравнивает Советский Союз с родной Северной Италией («...кажется, что находишься на Паданской равнине» [Ibid.: 1451]). На фоне этой «деревенской» атмосферы поражает масштаб церемонии открытия фестиваля на огромном стадионе им. В. И. Ленина (нынешние «Лужники»). Логическим продолжением грандиозного парада становится неформальная встреча участников фестиваля на Красной площади, где вечером под стенами Кремля собираются несколько тысяч человек. В противовес официальной торжественности церемонии открытия, здесь царит атмосфера деревенской ярмарки: собравшаяся молодежь одета «как крестьяне в воскресный день» [Ibid.: 1452], они разговаривают, смеются, играют в те же игры, что и дети на деревенских площадях, «по древней и непрерывной крестьянской традиции» [Ibid.: 1453]. Для Пазолини, как и для Леви, крестьянский мир, связанный с миром его собственного детства и детства всего человечества, воплощает

¹³ К 1966 г., когда Пазолини приехал в СССР во второй раз, уже состоявшимся режиссером, он относился к советскому строю значительно прохладнее. К этому времени он разочаровался в Советском Союзе, предавшем идеалы революции, зато с восторгом отзывался об Америке, в которой побывал в том же 1966 году, особенно отмечая идеализм и революционный дух американской левой молодежи [Chianese 2015: 17]. Впрочем, к 1969 году, ставшему переломным в духовной эволюции Пазолини, писатель был в равной степени разочарован и Россией, и Америкой [Ibid.: 19–20].

собой связь времен, поэтому советская Россия, пережившая революцию и, в русле «советского мифа», изображенная в репортаже как образец социального прогресса, парадоксальным образом оказывается в то же время и символом уходящей в глубь веков живой традиции, непрерывности коллективной и индивидуальной истории. Сформированное не без влияния философии А. Грамши представление о «важности крестьянского мира в революционной перспективе» порождает тот сплав «марксистской идеологии и поэтической, мифической любви к земле, к крестьянскому миру» [Tuscano 2010: 33], который найдет свое отражение и в поэзии Пазолини (в том числе не имеющей отношения к «советской» проблематике), и в его публицистике — не случайно в одной из своих статей он почти дословно повторяет мысль Леви об Октябрьской революции как «революции крестьян» (цит. по: [Ibid.: 33]).

В 1960 г. в еженедельном журнале «Settimo giorno» выходит серия путевых очерков Гоффредо Паризе под общим заглавием «Это Россия Хрущева» (*Questa è la Russia di Krusciov*). Прозаик, получивший известность в Италии в середине 1950-х годов, после публикации романа «Красавец-священник» (*Il prete bello*, 1954), а на русском языке не издававшийся вплоть до 1970-х, Паризе посетил СССР зимой 1960 г. Цикл очерков, выходивших в период с 10 по 24 марта, стал одним из первых опытов писателя в жанре путевой прозы. В 1966 г. Паризе совершил продолжительное путешествие в Китай, описанное в травелоге «Дорогой Китай» (*Cara Cina*, 1966), затем, в 1960–1970-е годы, в качестве корреспондента посетил Кубу, Нигерию, Чили, ряд стран Юго-Восточной и Средней Азии и Восточной Европы. Его очерки, посвященные странам Восточного блока, носят сдержанно критический характер, однако в своем позднем интервью корреспонденту газеты «La Stampa» Гвидо Черонетти он открыто и недвусмысленно обозначил свое отношение к коммунистическим режимам:

Я хорошо знаю СССР и весь коммунистический мир. В какой бы части света ни существовал подобный режим, все там приобретает единый цвет, цвет стали <...> Мир заржавевший (*ossidato*), мир, задушенный Сталиным, который продолжает советизировать и душить остальной мир [Ceronetti 1980].

В своих очерках об СССР начала 1960-х Паризе, судя по всему, еще не успел сформировать резко отрицательное мнение о советском режиме, но и в этом раннем травелоге, несмотря на в целом доброжелательный тон, проступает снисходительность, отчетливо напоминающая о травелогах 1920–1930-х годов. Подобно довоенным авторам, Паризе строит свое повествование на топосах «русского мифа», изображая советское общество как архаичное, варварское, хотя и не лишенное экзотического восточного очарования, — так, еще в аэропорту писатель чувствует присутствие «единой огромной, гигантской земли, совершенно одинаковой вплоть до тех краев, где рождается солнце» [Parise 2001: 1457], а длинная очередь в Мавзолей, состоящая из представителей множества народов, в основном азиатских, воспринимается не как свидетельство советского интернационализма, а как зримое воплощение «азиатских» просторов России [Ibid.: 1462–1463]. Мотив бескрайней восточной страны у Паризе образует единый комплекс с образом России как «природного», неокультуренного пространства и с традиционным для травелогов второй по-

ловины 1950-х представлением о сельском характере советской действительности. Так, реальные сельские ландшафты вызывают в сознании автора образ моря, традиционно ассоциирующийся с огромными пространствами России:

...океан земли, слегка волнистый, с широкими и медленными реками — вековыми остатками потопа (*diluvio*)¹⁴ <...> Она начинается сразу же за дальней окраиной Москвы и простирается до Волги, за Волгой, и еще, еще, все дальше, вплоть до неоновро-розового диска утреннего солнца [Parise 2001: 1465].

С другой стороны, «сельские» ассоциации у Паризе с самого начала, еще в описании аэропорта, окрашены восточным колоритом: «Сначала кажется, что ты в деревне. Большой рынок, мекка, базар», «сельская земля под снегом и асфальтом» [Parise 2001: 1457]. Паризе, как и Малапарте, связывает образ «сельской» и «природной» России с архаичностью и отсталостью, но если в интерпретации Малапарте эта Россия на глазах уходит в прошлое, сменяясь прогрессивной советской цивилизацией, то у Паризе, сравнивающего ряд реактивных самолетов на летном поле с «огромной семьей алюминиевых китов» [Ibid.: 1457], даже современная техника словно принадлежит к миру природы, а роскошные интерьеры станций метро будто бы отражают архитектурные вкусы крестьянства, напоминая «нечто среднее между мечетью и казино» [Ibid.: 1470]. В парадигме русского мифа народ, состоящий из простых крестьян, остается чуждым «настоящей» культуре, под которой Паризе подразумевает культуру «гуманистическую, возрожденческую». Порой схемы «русского мифа» вводят писателя в заблуждение, заставляя неверно интерпретировать действительность: так, ажиотаж, возникающий в ГУМе у прилавков с самыми обычными товарами, например, карманными фонариками, Паризе высокомерно объясняет крестьянским «детским интересом» и любопытством [Ibid.: 1474], в то время как более логичным объяснением представляется товарный дефицит. Автор демонстративно не интересуется новейшими техническими достижениями СССР — спутником и «Луной-1» — и снисходительно отзывается о внимании советских граждан к исследованиям космоса:

...я попытался объяснить им, перечислив вещи, которые интересовали меня в Италии гораздо больше, чем спутник <...> Как объяснить, что в этом (отсутствии интереса. — А. Г.) нет моей вины, что земля, в которой я родился, старая, тысячу раз вспаханная, хорошо знакомая, любимая, презираемая и вновь любимая [Ibid.: 1471].

В этом утверждении имплицитно прослеживается все то же уходящее корнями в «русский миф» представление о девственной, неосвоенной русской земле и молодой русской цивилизации — в противовес старой европейской, носительнице подлинной высокой культуры. Мотивы, в большинстве итальянских травелогов 1950-х входящие в комплекс «советского мифа» (дружба народов, научно-технический прогресс), у Паризе — в парадигме «русского

¹⁴ Возможно, это прямая отсылка к травелогу К. Альваро «Творцы потопа» (*I maestri del diluvio*, 1935).

мифа» — обретают неожиданные коннотации, превращаясь в признак архаичности и отсталости советского общества.

В том же 1960 году в СССР в качестве корреспондента «La Stampa» приезжает писатель и журналист Гвидо Пьовене, тогда практически не известный в Советском Союзе. Пьовене, потомок аристократического рода, за свои симпатии к левым идеям иронически прозванный «красным графом» [Martignoni 2015], к моменту поездки был признанным мастером путевой прозы, автором популярных травелогов об Америке и Италии. В долгом путешествии по Советскому Союзу (с 26 января по апрель 1960 г.), организованном при поддержке Союза писателей, Пьовене побывал в Москве и Ленинграде, Сибири, Средней Азии, на Кавказе и Дальнем Востоке. В серии из трех десятков очерков, публиковавшихся в «La Stampa» в период с 6 марта по 18 сентября, писатель ставит своей целью, избегая абстрактных обобщений, сосредоточиться на конкретных деталях советской действительности, «констатациях визуального или практического порядка» [Piovene 1960f] и лишь затем переходить к общим рассуждениям и оценкам. В отличие от многих своих предшественников, заявлявших о подобных намерениях, Пьовене действительно достигает цели: его пространственный репортаж выдержан в нейтральном тоне, и как «русские», так и «советские» мифологемы играют в нем второстепенную роль. В этом смысле Пьовене открывает новый этап в истории итальянской путевой прозы об СССР: в 1960–1970-е годы количество травелогов резко снижается (возможно, это связано с относительной стабилизацией советского общества после бурных перемен 1950-х и, как следствие, падением интереса к нему со стороны западной публики), а их тон становится более взвешенным и объективным. Литераторы, посещавшие СССР в этот период, — Марио Сольдати («Короткое путешествие в страну долгого времени» = «Viaggio breve nel paese del tempo lungo», 1966), Джина Лагорио («Восемь дней в Москве» = «Otto giorni a Mosca», 1977), Джанни Родари («Игры в СССР» = «Giochi Nell'URSS», 1979)¹⁵, — описывая путевые впечатления, посещение кино, театра, школ и домов культуры, встречи с друзьями и знакомыми и т. п., практически не обращаются к мифологическим мотивам, как «русским», так и «советским».

В очерках Пьовене, носящих в этом смысле переходный характер, оба мифологических комплекса проявляются в отдельных немногочисленных эпизодах. Так, ассоциации, восходящие к образам «русского мифа», активизируются в редкие моменты: при виде сибирских лесов, где стволы берез среди зелени елей белеют, словно призраки, создавая ощущение «рождения легенд» [Piovene 1960a]; в Ленинграде, где в архитектуре дворцов, несмотря на европейские влияния, проступают следы «сказочного» восточного вкуса — любви к роскоши и ярким цветам [Piovene 1960d]; в Суздале, который изображается как «застывший фейерверк», фантастическое видение сказочной России [Piovene 1960i]. В некоторых случаях мифологизированные представления открыто опровергаются и развенчиваются: так, в Свердловске Пьовене надеется обнаружить следы прошлого — соперничество золотопромышленников, «кутежи, поездки на тройках, народные гулянья» [Piovene 1960g], — но видит образцовый социалистический город, промышленный и университетский центр.

¹⁵ В скобках указаны годы поездок.

Ярче всего образы «русского мифа» проявляются в представлениях о русском национальном характере: так, общительность пассажиров в поездах наводит на мысли о парадоксальном сочетании коллективизма, подчинения общепринятым правилам и «традиционному коллективному инстинкту» с потребностью выразить себя, готовностью раскрыть душу случайному знакомому — эта черта, явно отсылающая к представлениям о противоречивой «славянской душе», напоминает Пьовене о героях классических русских романов [Piovene 1960e]. Поскольку большая часть очерков посвящена Сибири, Средней Азии и Кавказу, а не центральным регионам СССР, тема сельского характера советского общества, наличия «крестьянского слоя, чье влияние так сильно в европейской России» [Piovene 1960g], упоминается, но не получает развития.

Еще слабее оказывается влияние «советского мифа». Писатель отмечает интернационализм советского общества, рисуя картину множества народов, вместе работающих над масштабным проектом освоения целины, упоминает успехи советской власти в распространении образования и в индустриальном развитии новых территорий, но в первую очередь его интересуют не достижения советского режима, а мотивация и душевное состояние людей, осваивающих дикие земли Средней Азии и Дальнего Востока. По мнению Пьовене, решение этой загадки могло бы послужить «объяснением и рентгеновским снимком Советского Союза», выражающим самую суть советского общества [Piovene 1960b], достойным продолжением великой русской литературы XIX в. Автор неоднократно подчеркивает серьезность, спокойствие, сдержанность советских людей («Вести себя достойно здесь непереносимое требование» [Piovene 1960h]), но эта черта в его глазах имеет свои отрицательные стороны — например, общаясь с учеными, Пьовене отмечает в них отсутствие фантазии и ограниченность мышления, сосредоточенность на сугубо практических, прикладных вопросах [Ibid.]. Автор открыто указывает на догматизм и лицемерие советского общества, которых не замечают (или предпочитают не замечать) его предшественники. Так, говоря о «жестких правилах гостеприимства» и непереносимом присутствии сопровождающих, Пьовене отмечает, что иностранец в СССР постоянно находится «под стеклянным колпаком» — не из специфически русской заботы о гостях, а из стремления скрыть отрицательные стороны жизни [Piovene 1960e]. Те же лицемерие и «двойственность» проницают и быт советских людей: грузинские крестьяне открыто занимаются нелегальной спекуляцией; в места, закрытые для посещения, можно попасть, договорившись с местными властями; в столовой, где запрещено употребление спиртного, подают водку. Парадоксальное описание жизни в СССР —

...с одной стороны, крайняя суровость и твердость власти, с другой, в быту — никакой суровости и твердости. Там, где дело не касается политических принципов, каждый толкует закон по собственному разумению; в обычных отношениях действуют договоренности <...> жизнь большинства колеблется между коллективизмом и крайним индивидуализмом [Piovene 1960c] —

свидетельствует о разрушении «советского мифа»: в очерках Пьовене образ справедливого и успешного социума, гармонично сочетающего в себе прогрессивность и консерватизм и способного служить ориентиром для западных

стран, распадается, обнажая внутреннюю противоречивость и лицемерие советского общества.

Таким образом, во второй половине 1950-х годов, несмотря на декларируемое стремление к объективности и отказу от идеологических схем, рецепция Советского Союза в травелогах итальянских литераторов продолжает определяться влиянием двух противоборствующих и одновременно взаимодополняющих мифологических парадигм — «русской» и «советской». Результатом сложного взаимодействия «русского» и «советского» мифа становится представление о сельском, крестьянском характере советского социума — представление, которое в той или иной степени присутствует во всех путевых свидетельствах итальянских литераторов второй половины 1950-х, а в некоторых случаях (у К. Леви и П. П. Пазолини) играет определяющую роль, образуя единый мифологический комплекс с образом СССР как страны детства (индивидуального детства автора травелога либо коллективного детства Европы или всего человечества). В зависимости от взглядов и предпочтений авторов эти представления могут приобретать различную окраску, оцениваться как строго положительно (Леви, Пазолини), так и отрицательно (Паризе, в значительной степени — Малапарте и Моравиа). В последнем случае восприятие взаимоотношений «русской» и «советской» цивилизации может быть различным: у Моравиа «русское» и «советское» дополняют друг друга (как и у Леви и Пазолини, но с другим знаком), у Малапарте находятся в противоборстве, у Паризе «советское» растворяется в «русском». Но при большом многообразии трактовок между всеми текстами обнаруживается важное сходство: взаимодействие «русского» и «советского» мифа в итальянских травелогах об СССР эпохи хрущевской оттепели отражает резкие перемены, происходившие как в самом советском обществе, так и в его зарубежной рецепции. Причем если «русский миф», опирающийся на вековую традицию европейского восприятия России, к началу 1960-х годов в некоторой (пусть и очень ограниченной) степени сохраняет свое влияние, то миф «советский» оказывается существенно менее устойчивым: сформировавшись в 1930-е, к началу 1960-х он со всей очевидностью утрачивает свой авторитет. Об этом свидетельствует путевая проза 1960 г. — очерки Г. Паризе, где «русский миф» отчетливо преобладает над «советским», и, в еще большей мере, серия статей Г. Пьевене, где при явной тенденции к ослабеванию мифологического начала редкие элементы «русского мифа» сохраняются в нетронутom виде, в то время как идеологизированный образ советского общества открыто отрицается и развенчивается.

В дальнейшем ослабление влияния как «русского», так и «советского» мифа в итальянской путевой прозе продолжится: в немногочисленных травелогах 1960–1970-х годов мифологические элементы практически отсутствуют. Однако освобождение от идеологических схем, к которому тщетно стремились многие авторы 1950-х, достигается ценой отказа от широких обобщений: писатели 1960–1970-х годов в значительной степени сосредоточиваются на локальных вопросах (советский кинематограф у М. Сольдати, советский театр у Дж. Лагорио, советское детство у Дж. Родари) и личных взаимоотношениях с советскими людьми (неформальные встречи, частные беседы), воздерживаясь от далекоидущих выводов о национальном характере советских людей и судьбах советской и западной цивилизации.

Источники

- Alvaro 2004 — *Alvaro C.* I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica. Reggio Calabria: Falzea, 2004. (1st ed.: 1935).
- Ceronetti 1980 — *Ceronetti G.* Viaggiatore malinconico tra i guasti del mondo // *La Stampa*. 1980. 26 gen. P. 3.
- Levi 1956 — *Levi C.* Il futuro ha un cuore antico: viaggio nell'Unione Sovietica. Torino: G. Einaudi, 1956.
- Malaparte 1958 — *Malaparte C.* Io, in Russia e in Cina. Firenze: Vallecchi, 1958.
- Moravia 1958 — *Moravia A.* Un mese in U. R. S. S. Milano: Bompiani, 1958.
- Parise 2001 — *Parise G.* Opere / A cura di B. Callegher, M. Portello: In 2 vol. Vol. 1. Milano: Mondadori, 2001.
- Pasolini 2004 — *Pasolini P. P.* Festa di paese per trentamila // *Romanzi e racconti* / A cura di W. Siti, S. De Laude: In 2 vol. Vol. 1: 1946–1961. Milano: A. Mondadori, 2004. P. 1448–1453.
- Piovene 1960a — *Piovene G.* È un'industria che cresce su se stessa sfruttando il vecchio e il nuovo insieme // *La Stampa*. 1960. 2 giugno. No. 132. P. 3.
- Piovene 1960b — *Piovene G.* I pionieri nel “deserto della fame” // *La Stampa*. 1960. 26 apr. No. 100. P. 3.
- Piovene 1960c — *Piovene G.* L'arte in Russia // *La Stampa*. 1960. 29 luglio. No. 181. P. 3.
- Piovene 1960d — *Piovene G.* Leningrado // *La Stampa*. 1960. 24 luglio. No. 177. P. 3.
- Piovene 1960e — *Piovene G.* L'ultima città sovietica sul Pacifico // *La Stampa*. 1960. 26 giugno. No. 153. P. 3.
- Piovene 1960f — *Piovene G.* Per scoprire la profonda realtà russa ci vuole l'antica virtù della pazienza // *La Stampa*. 1960. 6 marzo. No. 57. P. 3.
- Piovene 1960g — *Piovene G.* Sverdlovsk modello quasi integrale di una città industriale e socialista // *La Stampa*. 1960. 29 maggio. No. 129. P. 3.
- Piovene 1960h — *Piovene G.* Un'arida società, senza tratti originali // *La Stampa*. 1960. 11 giugno. No. 140. P. 3.
- Piovene 1960i — *Piovene G.* Visita in Russia a una città d'arte // *La Stampa*. 1960. 7 agosto. No. 189. P. 3.

Литература

- Алоэ 2013 — *Алоэ С.* Достоевский в итальянской критике // *Достоевский: Материалы и исследования*: В 22 т. Т. 20 / Отв. ред. К. А. Баршт, Н. Ф. Буданова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 3–24.
- Голубев, Неужин 2016 — *Голубев А. В., Неужин В. А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Голубцова 2021a — *Голубцова А. В.* Большевизм и религия в итальянских травелогах о Советской России 1920–1930-х годов // *Quaestio Rossica*. Т. 9. No. 1. 2021. С. 361–378.
- Голубцова 2021b — *Голубцова А. В.* И. Ленин в «советских» произведениях Курцио Малапарте // *Rossica. Литературные связи и контакты*. № 1. 2021. С. 130–142.
- Голубцова 2021c — *Голубцова А. В.* «Русский» и «советский» миф в итальянских травелогах об СССР начала 1950-х гг. // *Литературные миры Востока и Запада: коллективная монография* / Науч. ред. С. П. Толкачев. М.: Мозартика, 2021. С. 67–79.
- Голубцова 2021d — *Голубцова А. В.* «Русский миф» в травелогах Винченцо Кардарелли и Корrado Альваро о Советской России // *Вестник Томского государственного университета*. № 468. 2021. С. 15–24.

- Дубровина 2017 — Дубровина О. В. Формирование представлений о Советской России / СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2017.
- Дэвид-Фокс 2015 — Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Нов. лит. обозрение, 2015.
- Коул 1997 — Коул М. К. Культурно-историческая психология: наука будущего / Пер. с англ. Ю. Н. Турчаниновой, Э. Н. Гусинского. М.: Когито-центр; Ин-т психологии РАН, 1997.
- Куликова 2013 — Куликова Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: Очерки документированной истории. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2013.
- Монделло 2018 — Монделло Э. Россия в путевых записках Итало Кальвино и Альберто Моравиа / Пер. с итал. О. Б. Лебедевой // Имагология и компаративистика. № 10. 2018. С. 172–182.
- Орлов, Попов 2018 — Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
- Перси 2008 — Перси У. Три поиска одного образа: Россия/СССР в прозе Карло Леви, Альберто Моравиа, Джованнино Гуарески // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 31–51.
- Федин 2010 — Федин А. В. Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. Вып. 32. 2010. С. 65–93.
- Холландер 2001 — Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978) / [Пер. с англ.]. СПб.: Лань, 2001.
- Шачкова 2008 — Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.
- Chianese 2015 — Chianese F. Pasolini tra URSS e USA: L'intellettuale italiano negli anni della Guerra Fredda // Between. Vol. 5 No. 10. 2015. URL: <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/view/1699/1757>. <https://doi.org/10.13125/2039-6597/1699>.
- D'Attore 1991 — Nemici per la pelle: Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea / A cura di P. P. D'Attore. Milano: F. Angeli, 1991.
- Flores 2017 — Flores M. L'immagine della Russia sovietica. L'Occidente e l'URSS di Lenin e Stalin (1917–1956): Versione digitale (1st ed.: Milano: Il Saggiatore, 1990). GoWare, 2017.
- Flores, Gori 1990 — Il mito dell'URSS: la cultura occidentale e l'Unione Sovietica / A cura di M. Flores, Francesca Gori. Milano: F. Angeli, 1990.
- Martignoni 2015 — Martignoni C. Piovene, Guido // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 84: [Online ed.]. [2015]. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/guido-piovene_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/guido-piovene_(Dizionario-Biografico)).
- Pegorari 2010 — Pegorari D. M. Les barisiens. Letteratura di una capitale di periferia (1850–2010). Bari: Stilo, 2010.
- Petracchi 1990 — Petracchi G. Il mito della rivoluzione sovietica in Italia, 1917–1920 // Storia contemporanea. 1990. № 6. P. 1107–1130.
- Strada et al. 1991 — Strada V. et al. L'URSS, il mito, le masse. Milano: F. Angeli, 1991.
- Traini 2016 — Traini Ch. Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico: Tesi di dottorato in culture umanistiche / Università degli Studi di Urbino “Carlo Bo”. Urbino, 2016.
- Tuscano 2010 — Tuscano F. La Russia nella poesia di Pier Paolo Pasolini. Milano: BookTime, 2010.

Zaslavsky 2004 — *Zaslavsky V.* Lo stalinismo e la sinistra italiana: dal mito dell'URSS alla fine del comunismo, 1945–1991. Milano: Mondadori, 2004.

References

- Aloe, S. (2013). Dostoevskii v ital'ianskoi kritike [Dostoevsky in Italian criticism]. In K. A. Barsht, & N. F. Budanova (Eds.). *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* (Vol. 20, pp. 3–24). Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Chianese, F. (2015). Pasolini tra URSS e US A: L'intellettuale italiano negli anni della Guerra Fredda. *Between*, 5(10). <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/view/1699/1757>. <https://doi.org/10.13125/2039-6597/1699>.
- Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline*. Harvard Univ. Press.
- David-Fox, M. (2012). *Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford Univ. Press.
- Dubrovina, O. V. (2017). *Formirovanie predstavlenii o Sovetskoi Rossii / SSSR v fashistskoi Italii 1922–1922 gg.* [The shaping of the image of Soviet Russia / USSR in Fascist Italy of 1922–1943] (Cand. Sci. (History) Thesis, Lomonosov Moscow State University). (In Russian).
- D'Attore, P. P. (Ed.) (1991). *Nemici per la pelle: Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*. F. Angeli. (In Italian).
- Fedin, A. V. (2010). Ideia “blagorodnogo dikaria” v “iezuitskikh relatsiiakh” XVII v. [The idea of the ‘noble savage’ in 17th century ‘Jesuit relations’]. *Dialog so vremenem*, 32, 65–93. (In Russian).
- Flores, M. (2017). *L'immagine della Russia sovietica. L'Occidente e l'URSS di Lenin e Stalin (1917–1956)* (Digital version; 1st ed.: Milano: Il Saggiatore, 1990). GoWare. (In Italian).
- Flores, M., & Gori, F. (Eds.). *Il mito dell'URS S: la cultura occidentale e l'Unione Sovietica*. F. Angeli. (In Italian).
- Golubev, A. V., & Nevezhin, V. A. (2016). *Formirovanie obraza Sovetskoi Rossii v okruzhaiushchem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii, 1920-e — pervaiia polovina 1940-kh gg.* [The formation of the image of Soviet Russia in the outside world by means of cultural diplomacy. 1920s — first half of the 1940s]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Golubtsova, A. V. (2021a). Bol'shevizm i religii v ital'ianskikh travelogakh o Sovetskoi Rossii 1920–1930-kh godov [Bolshevism and religion in Italian travelogues about Soviet Russia from the 1920s and 1930s]. *Quaestio Rossica*, 9(1), 361–378. (In Russian).
- Golubtsova, A. V. (2021b). “Russkii” i “sovetskii” mif v ital'ianskikh travelogakh ob SSSR nachala 1950-kh godov [Russian myth and Soviet myth in Italian travelogues about the USSR of the early 1950s]. In S. P. Tolkachev (Ed.). *Literaturnye miry Vostoka i Zapada: Kollektivnaia monografiia* (pp. 67–79). Mozartika. (In Russian).
- Golubtsova, A. V. (2021c). “Russkii mif” v travelogakh Vinchentso Kardarelli i Korrado Al'varo o Sovetskoi Rossii [The “myth of Russia” in travelogues about the USSR by Vincenzo Cardarelli and Corrado Alvaro]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 468, 15–24. (In Russian).
- Golubtsova, A. V. (2021). V. I. Lenin v “sovetskikh” proizvedeniiakh Kurtsio Malaparte [Vladimir Lenin in the “Soviet” works of Curzio Malaparte]. *Rossica. Literaturnye sviazi i kontakty*, 1, 130–142.
- Hollander, P. (1981). *Political pilgrims: Travels of Western intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1979*. Oxford Univ. Press.
- Kulikova, G. B. (2013). *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov: Ocherki istorii* [The new world through the eyes of the old. Soviet Russia of the 1920s and 1930s through the Eyes of Western intellectuals: Essays on history]. Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).

- Martignoni, C. (2015). Piovene, Guido. In *Dizionario Biografico degli Italiani* (Vol. 84, Online Ed.). https://www.treccani.it/enciclopedia/guido-piovene_ (Dizionario-Biografico). (In Italian).
- Mondello, E. (2018). Rossiia v putevykh zapiskakh Italo Kal'vino i Al'berto Moravia [Russia in Italo Calvino's and Alberto Moravia's travel notes]. *Imagologiya i komparativistika*, 10, 172–182. (In Russian).
- Orlov, I. B., & Popov, A. D. (2018). *Skvoz' "zheleznyi zhanes"*. See USSR!: inostrannye turisty i prizrak potemkinskikh dereven' [Through the Iron Curtain: See USSR!: Foreign tourists and the spectre of Potemkin villages]. Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Pegorari, D. M. (2010). *Les barisiens. Letteratura di una capitale di periferia (1850–2010)*. Stilo. (In Italian).
- Persi, U. (2008). Tri poiska odnogo obraza: Rossiia/SSSR v proze Karlo Levi, Al'berto Moravia, Dzhovannino Guareski [Three searches for an image: Russia / USSR in the writings of Carlo Levi, Alberto Moravia and Giovannino Guareschi]. *Vestnik Evrazii*, 2008(1), 31–51. (In Russian).
- Petracchi, G. (1990). Il mito della rivoluzione sovietica in Italia, 1917–1920. *Storia contemporanea*. 1990(6), 1107–1130. (In Italian).
- Shachkova, V. A. (2008). "Puteshestvie" kak zhanr khudozhestvennoi literatury: voprosy teorii [Travelogue as a genre of fiction: Theoretical issues]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008(3), 277–281. (In Russian).
- Strada, V., et al. (1991). *L'URSS, il mito, le masse*. F. Angeli. (In Italian).
- Traini, Ch. (2016). *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel period sovietico* (PhD in Humanities. The University of Urbino "Carlo Bo"). (In Italian).
- Tuscano, F. (2010). *La Russia nella poesia di Pier Paolo Pasolini*. BookTime. (In Italian).
- Zaslavsky, V. (2004). *Lo stalinismo e la sinistra italiana: dal mito dell'URSS alla fine del comunismo, 1945–1991*. Mondadori. (In Italian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анастасия Викторовна Голубцова

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Отдел
литератур Европы и Америки новейшего
времени, Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7(495) 690-50-30
✉ ana1294@yandex.ru

Anastasia V. Golubtsova

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
Tel.: +7(495) 690-50-30
✉ ana1294@yandex.ru